

Урага Кюри

Шанталь
Лод королевы

Королева отверженных

Ирада Нури

Шанталь. Ход королевы

«Автор»

2026

Нури И.

Шанталь. Ход королевы / И. Нури — «Автор»,
2026 — (Королева отверженных)

От судьбы не уйти, и если по праву рождения тебе суждено править, то поверь, в один прекрасный день, ты обязательно станешь королевой. И пусть трон Бравии пока остается всего лишь мечтой, у тебя есть реальный шанс стать предводительницей пиратов и подчинить своей воле все Средиземноморье. Любовь и дружба теряют свое значение, когда разворачивается самая настоящая борьба за власть, ведь проигравшего ждет смерть...

Содержание

Часть пятая. Королева	5
Глава 35	5
Глава 36	12
Глава 37	16
Глава 38	20
Глава 39	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ирада Нури

Шанталь. Ход королевы

Часть пятая. Королева

Глава 35

Средиземное море. Порт Аль'ард Альмубарака, 1686 год

— Аллаху акбар! Аллаху акбар! (Хвала Всевышнему!)

Разносящееся с самой высокой башни - минарета громкое пение муэдина, призывавшего правоверных к утренней молитве, разорвало сонную тишину. Город просыпался. Прошло совсем немного времени, и песок зашуршал под торопливыми шагами местных жителей.

Этим утром никто не спешил приступить к работе, она могла и подождать, гораздо более важные дела гнали любопытных зевак в сторону центральной площади, на которой совсем скоро должна была состояться публичная казнь грозного пирата, захваченного три дня назад возле мыса Алттаир. После ряда неудач, объединенными силами губернатора Альмубараки и его союзника капитана Лефевра, преступника удалось заманить в ловушку.

Стояла ранняя осень. Духота и зной летних месяцев постепенно спадали и, солнце, хоть и по-прежнему ярко светило, уже не было столь жестоко палящим и немилосердным к местным жителям, вынужденным все это время спасаться в относительных тени и прохладе выстроенных из глины и дикого камня домов.

Несмотря на столь ранний час, на узеньких улочках города было не протолкнуться. Всем не терпелось посмотреть на страдания человека, чья слава далеко опережала его самого. Капитан Патрис был правой рукой самого «Короля» - пирата, которого до сих пор мало кто знал в лицо, но который тем не менее в течение всего лишь нескольких лет сумел подчинить себе почти все побережье Аль Бахр аль Мутавассит так по- арабски звучало Средиземное море, и усилить влияние берегового братства на всех подступах к «Джабал аль -Тарик» — Гибралтарскому проливу, получившему свое название в честь арабского полководца Тарика ибн Зияда, в начале восьмого века возглавившего вторжение арабских сил на Пиренейский полуостров. Вместе с семитысячной армией высадившись недалеко от Картахены и прекрасно сознавая сколь малочисленно его войско по сравнению с армией готов, в то время населяющими эту территорию, он повелел сжечь все свои корабли, тем самым вдохновляя своих воинов на борьбу до последнего вздоха.

Сегодняшняя экзекуция призвана была показать королю пиратов что неприступная Альмубарака не намерена признавать его господство над собой и предпочитает войну слепому подчинению. Захват «Смерча» и его капитана был лишь первой победой, но зато, какой опьяняющей. Перед целым городом, наводнившим площадь, губернатор торжественно объявил о вызове, брошенном «королю» и поклялся собственными руками расправиться с ним и каждым присягнувшим тому на верность.

И пока народ криками и аплодисментами поддерживал своего лидера, сидящего на широком троне из слоновой кости и украшенном дисками чистейшего золота и оказывал ему всяческую поддержку, на взятой в кольцо военными площади появился еще один завернутый в бурнус человек, гонящий перед собой как какое-то животное рабыню, которую наверняка намеревался продать на торгах сразу же, как только казнь приведут в исполнение и площадь вновь превратится центр купли и продажи живого товара.

— А ну, поднимайся, старая ведьма! Нечего разлеживаться, не королева, поди, ж...

От сильного тычка в спину, одетая в грязные лохмотья пожилая женщина, с трудом поднявшись с земли, под дружный смех наблюдающих за ними солдат, вновь повалилась под ноги своего мучителя.

Никто и пальцем не пошевелил, чтобы помочь ей и хоть как-то облегчить ее страдания. Такое здесь происходило сплошь и рядом. Привыкшие к подобному зрелищу, не вызвавшему у них никакого сочувствия, солдаты только лениво продолжали наблюдать за тем, как бедная старуха, погоняемая бессердечным хозяином, не скупящимся на толчки и побои, смешались с толпой и вскоре исчезли из поля зрения.

Речь упивающегося победой губернатора несколько затянулась. Окрыленный успехом он, под одобрителное кивание бывшего ренегата – капитана, а ныне его союзника, торжественно пообещал сказочное вознаграждение всякому, кто принесет ему голову короля пиратов на блюде. Когда слова иссякли, их сменила барабанная дробь, возвестившая о том, что приказ начали приводить в исполнение.

На сколоченный наспех деревянный помост в сопровождении четырех стражников, едва передвигая ноги от сковывавших его тяжелых цепей поднялся пленник, появление которого вызвало легкий вздох сожаления среди закутанных в паранджу женщин, чьи сердца невольно сжались при мысли о том, что уже совсем скоро этот все еще красивый несмотря на следы побоев на лице и теле мужчина, навсегда закроет свои синие как ночное небо глаза, в эту минуту с тревогой и щемящей тоской вглядывающиеся в морскую даль, виднеющуюся позади высоких и прекрасно укрепленных крепостных стен. На горизонте, не считая пришвартованного у берега судна капитана Лефевра, не появилось ни единого корабля, а значит, рассчитывать на счастливое спасение не приходилось. Не отрывая взгляда от линии горизонта, пират слегка склонил голову позволив более малорослому палачу беспрепятственно накинуть петлю на свою шею, демонстрируя этим хладнокровие и покорность судьбе.

Его команда связанная и избитая находилась тут же, ожидая часа, когда после казни капитана, народ, примется вершить расправу над ними. Имея перед глазами образец мужества, в виде своего предводителя, и к глубокому разочарованию зрителей, ни один из них и не подумал попросить о снисхождении, смело глядя в глаза приближающейся смерти.

Барабанная дробь смолкла. Лично командующий казнью губернатор махнул белоснежным платком, щедро украшенным тончайшим кружевом, и застывший в ожидании приказа палач, ударом ноги выбил шаткий табурет из-под ног пирата...

* * *

Средиземное море, Тахмиль, тремя годами ранее

Есть ли в этом мире что-то более вечное, более загадочное, таинственно манящее и столь совершенное как море?

Раньше я и представить себе не могла, чего по-настоящему лишена, пока не вдохнула полной грудью свежего соленого воздуха, не ощутила под ногами дружеского волнения неукротимой в своей красоте и совершенстве могучей стихии, которая сейчас ластится к тебе, как пушистый котенок, зовет поиграть, а уже в следующий миг выпускает когти и демонстрирует огромные острые зубы хищного зверя, грозя поглотить тебя целиком без остатка.

И все же море не так жестоко и бессердечно, как люди, мечтающие обрести господство над ним. Глупцы! Разве можно властвовать над тем, чего им никогда не постичь, не охватить? С морем можно только попытаться подружиться и оно, поверьте, никогда не предаст своего друга, щедро делясь с ним всеми своими дарами и защищая от невзгод.

Не в силах справиться с переполнявшими эмоциями, я с проворством ярмарочного акробата вскарабкалась по вантам вверх к самой верхушке мачты, чтобы отсюда, с головокружительной высоты в полной мере полюбоваться ярко-синим безоблачным небом, чьи невероятные оттенки в точности повторяла морская гладь, блестя и переливаясь под солнечными лучами как атлас.

Широко раскинув руки по сторонам в попытке обнять своего безбрежного друга, я громко прокричала, спугнув парочку альбатросов, кружащих над водой в поисках зазевавшейся рыбы:

— Я люблю тебя! Я люблю тебя, море!..

— Спускайся вниз, Шарль. Мне мой юнга нужен живым и невредимым, — отозвался стоявший за штурвалом капитан. Несмотря на все попытки сохранять строгий вид, чтобы не смущать команду, ему это плохо удавалось. Нет-нет, а пробивалась сквозь плотно сомкнутые губы счастливая улыбка, зажигающая яркие огоньки в глазах всякий раз, как его взгляд падал на меня, вызывая в ответ густой румянец на щеках при воспоминаниях о прекрасных моментах близости под сенью капитанской каюты.

По взаимной договоренности об открытости отношений на борту не могло быть и речи. Для всех мы по-прежнему оставались капитаном и юнгой, который, несмотря на то, что открылась его женская сущность, продолжал отзываться на мужское имя – Шарль.

Свежий морской воздух оказался лечебным и для Ренарда, окончательно выздоровевшего и окрепшего. Босой, как и большая часть команды, потому что ходить по дощатому полу и лазать по канатам-вантам босыми ногами было удобнее, и в матросской одежде, на которую он сменил привычный камзол и панталоны, Ренард больше ничем не напоминал изящного юношу, впервые встреченного мною в аристократическом квартале Марэ. Легкая небритость очень шла его лицу, добавляя мужественности, той самой, что ему не хватало прежде. От тяжелой физической работы за оставшиеся недели пути до конечного пункта нашего путешествия – Тахмиля, он успел обзавестись не только мозолями на огрубевших руках и ногах, но и мускулами, красиво выступающими из-под закатанных рукавов суконной куртки.

С каждым днем их родство с капитаном становилось все более очевидным и, хотя Патрис был выше его на целую голову и шире в плечах, черты характерные для всех представителей фамилии де Сежен, не оставляли ни малейших сомнений в том, что эти двое — родные братья.

Поначалу некоторая неловкость, возникшая вследствие того, как стало понятно, кому из этих двоих было оказано мое предпочтение, сильно мешала нашему общению, но за оставшееся время, мы смогли прийти к общему согласию и, как я очень надеялась, пониманию.

К сожалению, не могла похвастаться подобным в отношении некоторых членов экипажа, а точнее тех, кто в свое время был предан покойному Ладу и затаил на меня злобу за его смерть. Неблагодарные. После бегства из Боростиана и нашего возвращения на корабль, только мои горячие просьбы удержали капитана от немедленной расправы над ними. Именно я убедила Патриса в том, что после потери половины команды во время сражения с маврами, нам просто не добраться до места назначения без опытных рук. Отделавшись поркой и строжайшим предупреждением, тройка мятежников торжественно поклялась никогда больше не предавать своего командира и держаться подальше от его юнги. Но временами ловя на себе их косые взгляды я понимала, что это ненадолго. Рано или поздно, следовало ожидать беды.

С самого детства монастырские сестры внушали нам, что безделье и праздность являются чуть ли не самыми смертными грехами. Благодаря их наставлениям, я возненавидела безделье всеми фибрами души и потому пользовалась любой возможностью найти себе занятие по душе. Такими занятиями на борту «Смерча» стали уроки мореходства, которые капитан с явным удовольствием мне давал, радуясь неподдельному интересу своего юнги к изучению приборов, карт, вычислений пути по звездам. Он с явным удовольствием отмечал успехи прилежной ученицы, и старался максимально подробно отвечать на каждый вопрос, вызванный моим неумным любопытством.

Единственная тема, которую мы никогда не обсуждали – мое прошлое. О нем я говорить категорически отказывалась, так как справедливо полагала, что чем меньше будет известно капелу французского короля, тем лучше для него же самого, ведь знакомство со мной могло обернуться катастрофой для всех его планов. Поэтому бандитскую «марку» Фонтаны, кото-

рую прежде не снимая носила на шее, теперь, чтобы не потерять, носила на запястье левой руки, пряча ее под узкой повязкой, якобы призванной укреплять мышцы во время тренировок. И, прежде чем вы зададите свой вопрос, спешу ответить: да, я снова вернулась к тренировкам. Только вместо Клода, теперь моим наставником был сам капитан, блестяще владевший любыми видами колюще-режущего оружия и, признаюсь честно, более сильного противника, я до сих пор не встречала.

Удерживать равновесие во время поединка на суше ничто по сравнению со схваткой на судне, палуба которого находится в постоянном движении. Тогда, в пылу сражения, я не обратила на это особого внимания, зато теперь, испытывала на собственной шкуре все тяготы такого боя, старательно запоминая как следует распределять вес, если придется драться при менее благоприятной погоде, когда море штормит и ты рискуешь оказаться смытым за борт прежде, чем противник сделает первый выпад. Впрочем, я всегда была способной воспитанницей и уже через пять дней после начала тренировок, к восторгу членов команды, с интересом наблюдавших за поединком, смогла ложным финтом отвлечь наставника в сторону и нанести свой первый удар ему в грудь.

«Браво, Шарль!» — сказал тогда он мне при всех, одобрительно хлопнув по плечу. А оставшись наедине в каюте крепко обнял и, прежде чем поцеловать, прошептал прямо в губы: «Ты невероятна, любовь моя...»

Путь до Тахмиля, о котором столько говорили, был неблизким, но в конечном итоге, мы преодолели его. В один из дней послышался громкий крик впередсмотрящего: «На горизонте Земля!» — возвестивший порядком подуставшим, но неунывающим морякам о том, что они добрались до конечного пункта маршрута.

* * *

— Что случилось? Тебя что-то тревожит?

С каждой минутой усиливающееся беспокойство и какая-то совершенно необъяснимая тоска, словно все хорошее неожиданно подошло к концу, заставили меня покинуть палубу и искать утешения в спасительных стенах каюты, еще хранящих воспоминания о пусть и недолгих, но счастливых моментах моей жизни здесь, когда я чувствовала себя любимой и оберегаемой.

«Что ждет меня впереди? С какими сложностями придется столкнуться здесь, в самом центре вотчины убийц и бандитов? Смогу ли я однажды обрести долгожданный покой?»

Поглощенная невеселыми думами, не услышала, как Патрис вошел следом и почувствовала его присутствие только тогда, когда обе его руки обвились вокруг меня, а сильное мужское тело крепко прижало животом к распахнутому окну в каюте.

Чуть учащенное дыхание приятно шевелило волосы на затылке, посылая легкие мурашки по всему позвоночнику вниз, и мое тело привычно откликнулось на его близость. Но приступить к решительным действиям он на этот раз не спешил. Вместо того, чтобы развернуть меня лицом к себе и крепко поцеловать, он, по-прежнему стоя за спиной уткнулся подбородком мне в плечо и глядя вперед на с каждой секундой приближающуюся сушу, пытаюсь скрыть внутреннее волнение, которое я тем не менее чутко уловила, произнес:

— К вечеру будем на месте... Нам нужно поговорить...

— О чем? — слегка повернув голову, я попыталась заглянуть ему в глаза, но он почему-то избегал моего взгляда. Вместо этого сжав еще сильнее, словно боялся, что кто-нибудь меня у него отнимет он, по-прежнему вглядываясь в даль, ответил:

— О том, как сильно буду скучать по тебе все то время, что придется провести на берегу.

— Скучать? Как странно. Разве можно скучать по человеку, все время находящемуся рядом с тобой? Ты что-то недоговариваешь...

— Прости, любовь моя, — усталость и сожаление сквозили в каждом слове Патриса, который наконец-то решил посмотреть мне в глаза, — но тебе придется остаться на борту.

Дело в том, что каждый капитан, получающий убежище и помощь на Тахмиле, обязан подчиняться кодексу — общему своду законов, согласно которому, все добытое, включая живую силу, делится между всеми «братьями» - пиратами. Любой имеет право взять то, что ему приглянулось. Представляешь, что будет, окажись ты на берегу? Я не смогу защитить тебя от своры алчущих дикарей, месяцами не видевших нормальных женщин. Тем более таких, как ты...

Я понимала, что он имеет в виду. К сожалению, мне слишком часто приходилось сталкиваться с подобным поведением мужчин независимо от того, были ли они обитателями парижского дна или же занимали роскошные покои в королевском дворце. Всюду было одно и то же: грязные похотливые взгляды, желание обладать и подчинять. Женщины были разменной монетой, никто не принимал их за людей, продавая и обменивая как любой другой неодушевленный товар.

Да, Патрис был прав, и на этот раз спорить с ним я не собиралась. «Смерч» нуждался в новой оснастке и более детальном ремонте, который мог получить только здесь. Нужно лишь набраться терпения и не высовывать носа из каюты, пока корабль будет стоять на якоре возле клочка земли, собравшего в одном месте самых отъявленных бандитов Старого и Нового света.

Положив ладони поверх обнимающих меня рук, я повернулась к мужчине лицом и, прижавшись к широкой груди щекой, успокаивающе прошептала:

— Я понимаю. Не беспокойся, иди. Обещаю, что буду паинькой и не сделаю ничего такого, чтобы могло подставить тебя под удар.

Со вздохом облегчения он привлек меня к себе и, опираясь подбородком мне в макушку, ответил:

— Зная тебя, я был уверен, что ты тут же начнешь спорить. Спасибо, любовь моя. Это лишь на пару недель, не больше. Даю слово...

Не смогу точно сказать сколько времени мы так простояли, делясь теплом тел и стуком сердец, бьющихся в унисон, но вскоре поскребывание в дверь и извиняющийся голос помощника, сообщивший что наверху требуется присутствие капитана, вернули нас на землю.

Ах, если бы знать тогда обо всем, что произойдет следом, мы бы спешно развернули судно и уплыли без оглядки так далеко, как это только было возможным. Но на радость негоднице - судьбе, злорадно потирающей ладони глядя на нас сверху, мы даже не подозревали, что любовь так неожиданно появившаяся и расцветшая между нами находится под угрозой и это единение наших душ и тел, возможно, было последним...

* * *

Образовавшийся в результате извержения подводного вулкана Тахмил, о котором было столько разговоров, представлял собой не один, а целую группу разных по размеру островов, самый крупный из которых находился в центре, защищенный со всех сторон более мелкими, состоящими в основном из вулканических массивов и горных кряжей. Благодаря такому выгодному расположению его и облюбовало западное средиземноморское «братство» после того, как вынуждено было спасаться бегством из прежнего убежища, по которому несколько лет назад объединенными коалиционными силами, в которых, кстати говоря, не последнюю роль сыграла Франция, был нанесен мощный удар, уничтоживший многовековой оплот.

Построив практически на отвесных скалах отлично укрепленную извне цитадель, с круговым обзором на многие морские мили вокруг, пираты сделали ее реально неуязвимой. Единственный путь к крепости представлял собой узкую извилистую тропу, которая превосходно простреливалась из крепости, а восемь установленных вдоль нее орудий могли картечью отразить любую попытку приблизиться к ее массивным, обитым железом воротам.

Крутые обрывистые берега Тахмиля почти сплошь изрезанные отвесными пропастями шириной от одного-двух до двадцати-тридцати метров, полностью исключали любую возможность подойти к островам незаметно тем, кто не знал тайных ходов и лазеек, призванных служить на тот случай, если обитателям придется в срочном порядке спасаться бегством. Хотя

и на этот случай, у пиратов на руках был козырь в виде надежной внутренней бухты, способной вместить сотню кораблей, готовых в любой момент дать смертельный бой целому свету. Два узких хода, ведущие в эту гавань, на случай вторжения, перегораживались массивными цепями, регулируемые специально установленными в крепости механизмами, что так же превращало любую попытку захватить гнездо пиратов в полное ничто.

Аккуратно лавируя между многочисленными ловушками в виде подводных скал, со всех сторон окружающими главный остров, «Смерч» после обмена сигналами вошел в укрытую от посторонних глаз гавань и бросил якорь чуть поодаль стоящих тут же трех десятков кораблей. Две груженные доверху добытыми трофеями лодки вместе с капитаном и частью команды отделились от судна и пристали к неширокой полоске песчаного пляжа, где их уже ожидал отряд высланных навстречу из крепости людей.

Команде «Смерча» было чем гордиться: не каждый «джентльмен удачи» мог похвастаться столь знатным уловом и, Патрис с удовольствием поглядел бы на лица членов пиратского совета при виде захваченных сокровищ, но вынужден был немного задержаться. Причиной оказалась записка, незаметно переданная ему одним из встречающих. Сославшись на внезапно возникшее срочное дело, капитан отправил своих людей вперед и, как только они отошли на довольно приличное расстояние, торопливо развернул жегший руку клочок бумаги, на котором едва разборчивыми корявыми буквами было нацарапано несколько слов: «Будь осторожен в выборе стороны. Пошады не будет».

В горле пересохло, что-то в груди болезненно сжалось. Заговор против «короля» был уже сам по себе делом немыслимым, небывалым и тем, кто решил рискнуть собственной шеей и подставить не только себя, но и остальных, кто ни сном ни духом не ведал о том, какая гроза разразится в скором времени, следовало бы крепко подумать, прежде чем делать какие-то шаги. Рыжий Ангус, вот уже больше восьми лет единолично правящий западным братством отличался не только медвежьей силой, но и почти такой же злопамятностью. Он ни за что не простит предателей.

Желая разобраться в происходящем до того, как встретится лицом к лицу с крайне подозрительным шотландцем, Патрис отправился в обход на другую сторону острова в поисках того, кто мог бы пролить каплю света на всю эту темную историю.

Сын баска и еврейки Фэйзил Бут, чье имя было известно не менее, чем имя «короля», а вот внушало ужас побольше, чем Рыжего Ангуса, был, пожалуй, самой загадочной фигурой на острове, добровольно встречаться с которой, рискнул бы только сумасшедший. Будучи хозяином игорного дома, двух борделей и нескольких питейных лавок на Тахмиле, он знал всё и обо всем. Подобно гигантскому пауку он искусно плел паутину тайн и интриг, в которую наивно попадались те, кто имел глупость довериться этому безобидному с виду человеку. Благодаря крепкому спиртному и продажным девицам, умеющим развязывать языки, он был кладезем бесценной информации, и не брезговал торговать ею в собственных целях, держа в своих цепких щупальцах сотни, а то и тысячи душ, попавшихся в умело расставленные сети.

Патрис был единственным, кого связывали с этим страшным человеком узы, отдаленно напоминающие дружеские и только он один мог не бояться обратиться к нему за помощь в любое время суток.

О природе их отношений ходили разные слухи, но правду знали лишь единицы, да и то предпочитали помалкивать, чтобы не усугубить свое и без того непростое положение на острове.

Фэйзила он нашел в его рабочем кабинете на втором этаже публичного дома, сидящим за широким письменным столом и что-то записывающим в толстую тетрадь, обтянутую тисненой кожей. И уже в который раз поразился тому, насколько сильно отличалась его внешняя оболочка от внутреннего содержания.

Отдающий предпочтение ярким кричащим цветам, Фэйзил и на этот раз не изменил собственному вкусу, нарядившись в богато украшенный лентами ярко-пурпурный камзол, изумрудно-зеленые бриджи и цыплячьего цвета чулки, подвязанные крест-накрест бантами из алого бархата. Точно такой же бант украшал пышную пену белого кружева его сорочки, полностью скрывая под собой ассиметрично вытянутую шею, узкие покатые плечи и удивительно впалую грудь. Обличье шута, призванное вводить в заблуждение, надежно скрывая то, что находилось глубоко под ним, и только самая экстраординарная личность смогла бы разглядеть под всей этой несуразной мишурой и нелепицей незаурядный ум, жестокость и коварство.

Большую голову с неправильным черепом покрывал неизменный укороченный парик «бинет» светло-русого цвета с тремя рядами буклей по бокам, а на гладко выбритом лице почти без ресниц и бровей над близко посаженными серыми глазами, сильно напомаженном и нарумяненном, особо выделялась черная родинка, расположенная прямо над большим ртом с тонкими губами, презрительно кривящимися всякий раз, когда их хозяина что-то раздражало. И, вот уже в который раз глядя на сидящего перед собой человека, Патрис невольно поразился тому, как такой человек как Бут, мог однажды произвести на свет...

Почувствовав тяжесть в груди при нахлынувших воспоминаниях, капитан поспешил загнать их обратно в закрома памяти так глубоко, как только мог. Обстановка борделя мало соответствовала чистому и нежному образу, все еще лелеемому в его огрубевшей, познавшей много горя душе.

Не было никаких радостных приветствий и дружеских объятий после долгой разлуки. Даже не отложив пера, Фэйзил лишь слегка приподнял голову, но взгляд его искоса брошенный на молодого человека едва заметно смягчился и потеплел — единственное, что позволяло предположить, что он все же рад этой встрече. Чуть кивнув в сторону свободного стула он, не произнеся ни звука следил за тем, как Патрис садится, предоставляя ему возможность заговорить первым, что тот и сделал, развернув полученную записку и бросая ее на стол:

— Только один вопрос: Что происходит?

Глава 36

Разговор с Бутом оказался непростым. То, что удалось выяснить, облегчения не принесло, заговор действительно существовал и те, кто мечтал свергнуть «короля» и занять его место, времени зря не теряли и усиленно готовились к решающему удару. Рыжий Ангус сильно пострадавший во время последней вылазки, получил серьезное ранение в грудь, которое при отсутствии должного ухода с каждым днем сильнее подтачивало его силы. Всего несколько дней и этот человек-медведь, одно только имя которого способно было внушить ужас и бывалому смельчаку, лишится острых когтей и станет абсолютно беспомощным перед стаей шакалов, готовых вонзить зубы в вожака, столько лет их кормившего и защищающего.

Дорогу до крепости Патрис преодолел как во сне, в ушах все еще слышались последние слова Бута: «Ангуса уже не спасти. Тебе следует поспешить и успеть выразить свое почтение следующему королю, которым негласно называют грека Стазиса из Эпира. Поверь, с ним тебе лучше дружить».

Патрис несколько раз встречался со Стазисом во время сходов, требующих присутствие опытных капитанов и то, что он о нем знал, не вызывало никаких иных чувств, кроме отвращения. За греком уже давно прочно закрепилась слава жестокого садиста и изверга, получающего настоящее удовольствие мучая и издеваясь над пленниками, среди которых встречались старики, женщины и дети. Он никогда не требовал выкупа за заложников, он предпочитал их убивать, с восторгом поскуливая при виде их предсмертной агонии. Представить невозможно во что превратится это чудовище после того, как получит власть еще больше развязывающую его и без того обгаренные кровью невинных, руки.

Переступив порог огромной общей залы, где в этот момент собрались члены совета и наиболее уважаемые капитаны со своими телохранителями, Патрис замер на миг, отыскивая взглядом своих людей. Их он увидел сидящими в конце стола по левую руку от кресла, в котором полулежал бледный как смерть «король». Всего на мгновение их взгляды встретились и Патрис понял: Ангусу известно о заговоре. Однако читая приговор в лицах тех, кого сам же приблизил к себе, так просто вожак сдаваться не собирался.

— Разрази меня гром, если это не тот самый мальчишка, который однажды едва не очутился на моих руках! Патрис, мальчик мой, как же я рад тебя видеть! Наслышан, наслышан о твоих подвигах. Горжусь! — сжав зубы, гордый шотландец не имея сил встать, поднял руку в приветственном жесте. Его зычный голос прокатился по залу, заставив присутствующих замолчать и обратить взоры на новоприбывшего. — Эй, кто-нибудь! Принесите- ка стул капитану. Он заслужил право сидеть за одним столом с королем, — продолжил он, не спуская глаз с гостя.

Один из стоящих за креслом телохранителей бросился выполнять приказание и приставил к столу еще один стул, ожидая, когда Патрис сядет. Однако стоило молодому капитану почти опуститься на него, как охранник резко выдернул стул из-под него. Под общий хохот Патрис больно ударившись, повалился на пол. Молниеносно вскочив он, выдернув из-за пояса нож повернулся к обидчику, но его остановил резкий окрик Ангуса:

— Спрячь лезвие, сопляк! Надуть меня решил? Думал, я не узнаю о том, что кое-что из добычи ты от нас припрятал?

Патрис с недоумением уставился на шотландца. Кого- кого, а потомка де Сеженов никто не смел обвинять в нечистоплотности. Согласно кодексу, чтить законы которого обязаны были все от короля до последнего матроса, строго-настрога запрещалось присваивать любые вещи, добытые путем краж и грабежей независимо от того большие или маленькие они были. От выреченной добычи, поделенной на десять равных частей, капитан имел право только на две части, в то время как остальные восемь долей становились достоянием короля, половину из

которых он по желанию мог либо распределить между остальными пиратами, либо отправить на склад. Любого, кто пытался присвоить что-либо из общего фонда, ждала жестокая смерть. И сейчас, приговор явно читался в грозном взгляде вожака.

— О чем ты толкуешь, Ангус? Клянусь, что здесь все, что мы смогли добыть! Никто не посмел бы оскорбить тебя непочтением!

— Ложь! — от удара кулаком по столешнице задрожала посуда и опрокинулись несколько бутылок, расплескав свое содержимое по сторонам. — Не смей лгать своему господину, щенок! — Ангус в гневе подался вперед и на его лбу и висках от напряжения проступили синие вены.

Патрис оторопел, когда по знаку короля его со всех сторон зажали как в тисках, вырвали оружие из рук и скрутили как тюк с шерстью. Не понимая в чем его обвиняют, он лишь беспомощно наблюдал за тем, как шотландец вполголоса отдал несколько коротких приказов своим людям, после чего снова откинулся в кресле. Руки его заметно дрожали, лоб покрылся испариной. Повисла тишина, настолько глубокая, что можно было бы расслышать писк комара, если бы этот самоубийца имел глупость сюда залететь.

Все еще ничего не понимая Патрис переводил взгляд с одного лица на другое в надежде понять, что же произошло за время его отсутствия и кому понадобилось его подставлять перед королем. Но даже лицо грека Стазиса, о котором Бут упоминал как о главном заговорщике, выражало лишь легкое недоумение и любопытство. Выходит, это был не он... Но, кто тогда?

Неожиданно взгляд его уткнулся в злобно ухмыляющуюся физиономию одного из матросов со «Смерча» по имени Жанно. Этот негодяй и два его дружка — то, что осталось от шайки Ладу, до сих пор были живы только благодаря тому, что его об этом просила Шанталь. И только сейчас стало понятно, какую он совершил ошибку сохранив им жизнь.

Время тянулось, гнетущая тишина усиливалась, все чего-то выжидали. Прошло чуть больше четверти часа, когда послышались громкие голоса и раздался грохот шагов, после чего двери распахнулись, пропуская вперед людей Ангуса, тащащих за собой упирающегося мальчишку. Швырнув его на колени перед креслом, один из охранников с одобрения короля грубо сорвал с головы юнца шапочку, вызвав бурю восторга у присутствующих, когда, почувствовав свободу из-под нее хлынул вниз водопад чистого золота, как покрывалом скрыв от жадных мужских взоров его обладательницу.

Патрис узнал ее мгновенно и бросился было вперед, к ней, но был грубо отброшен назад преданными псами предводителя. Кровь бросилась ему в голову, когда он увидел какими взглядами пожирает ее толпа изголодавшихся самцов, как замороженных уставившихся на незнакомку. А она, не осознавая к чему могут привести ее действия подняла вверх правую руку и откинула волосы назад, открыв на обозрение невероятной красоты лицо, которое просто не могло принадлежать простой смертной. Вздох восхищения прокатился по залу, когда сама богиня Афродита во всей своей неземной красе грациозно поднялась с колен, растерянно озираясь по сторонам. На лице потрясенной девушки отразился испуг при виде такого большого количества вооруженных до зубов людей, пожирающих ее алчущими взглядами. Перебегая с одной физиономии на другую, взгляд ее остановился на Патрисе, опустил на его связанные веревками руки и выражение точеного личика тут же изменилось. Гневно сверкая глазами на порозовевшем лице она, безошибочно определила главаря и не думая о последствиях сделала было шаг вперед, когда внезапно остановилась. Что-то в Ангусе привлекло ее внимание... А затем она сделала то, чего никто не ожидал, в том числе и Патрис, который думал, что хорошо успел изучить характер своевольной девушки: скрестила руки на груди и облегченно вздохнула.

* * *

Сердце колотилось как сумасшедшее еще не успевшее прийти в себя после пережитого шока. Вот я сижу за столом каюты и пытаюсь аккуратно починить разорванный ворот батистовой сорочки капитана, а уже в следующую секунду внутрь врывается шайка незнакомых

людей и меня, не обращая внимания на протесты команды, грубо выволакивают наружу и будто какую-то вещь швыряют в ожидающую внизу шлюпку. Ни о какой деликатности и речи не шло пока меня чуть ли не волоком тащили по горной тропе куда-то вверх, откуда мы не очутились возле массивных ворот, со скрипом распахнувшись пропуская нас внутрь.

И вот меня снова волокут вперед. Я пытаюсь сопротивляться, но после ощутимого удара в живот, оставляю бесполезные потуги. Все, что остается, только скрипеть зубами от бессилия и шептать про себя слова полузабытой молитвы, прося Бога послать мне легкую смерть вместо ожидаемых мучительных пыток.

В громадном, похожем на главный зал помещении, где за накрытыми столами пиновала самая разношерстная публика количеством не менее сотни человек, меня снова беспардонно швырнули. На этот раз прямо на грязный земляной пол.

Ну, это уже слишком! Терпеть издевательства я была больше не намерена. Мне бы только раздобыть хоть самое паршивенькое оружие и тогда...

Сердце подскочило в груди от радости при виде Патриса, но он оказался не в лучшем положении, связанный и окруженный по сторонам, как какой-то преступник...

Кровь ударила мне в голову. Не в состоянии больше ни о чем думать я решила, что если уж умирать, то непременно прихватить с собой на тот свет кого-нибудь вроде сидящего во главе большого стола детины, чье добротное сколоченное кресло удивительным образом напоминало трон. Длинные волосы великана чистейшего медного оттенка были разделены на пробор и собраны в две небрежные косицы на висках, в то время как остальные пряди оставались рассыпанными по плечам. Половину лица покрывала густая растительность в виде усов и большой нечесанной бороды, торчащей в разные стороны и наверняка бывшей настоящим рассадником всевозможных насекомых. Из-под широких бровей того же оттенка, что и весь остальной волосаной покров, на меня настороженно взирали яркие голубые глаза, которые по своему цвету могли поспорить с небесной лазурью. Но мое внимание привлекли отнюдь не они, а особый знак на его груди, тот самый, что единожды увидев, невозможно было спутать ни с одним другим, и который мог послужить спасением наших с Патрисом жизней.

О, я готова была расцеловать это рыжее чудовище в обе щеки, но сдержалась. Не желая выдавать себя раньше времени, я лишь облегченно вздохнула и оглядела его уже более спокойным взглядом, отметив про себя неестественную бледность разлившуюся по его лицу, фиолетовые круги вокруг глаз и сильно дрожащие руки, судорожно впившиеся в деревянные подлокотники. Исполина явно беспокоил какой-то недуг, а вот какой именно, мне еще предстояло выяснить.

— Вот бы никогда не подумал, что известие о том, что ее очень скоро пустят по кругу, может вызвать такое искреннее облегчение, — громила, ужасно картавя, говорил на страшной смеси из французского, испанского и английского языков, и я, практически не зная последнего, едва понимала, о чем он толкует. Обо всем остальном, мне оставалось лишь догадываться.

Морщась от боли, он загоготал и все дружно подхватили его смех. Посыпались настолько непристойные шутки, от которых на мгновение стало не по себе, но я смогла взять себя в руки и с невозмутимым видом продолжила стоять с высоко поднятой головой.

Послышался шум борьбы. Это Патрису удалось вырваться из удерживающих его рук и сейчас, сжимая в связанных ладонях саблю, которую успел выхватить у одного из стражей, он ценой собственной жизни пытался закрыть меня своим телом, готовый пустить оружие против любого, осмелившегося шагнуть в нашу сторону.

— Ангус, прошу, отпусти ее, она не трофей, клянусь!

Безумец! Нужно было остановить его прежде, чем все зайдет слишком далеко и нас убьют до того, как я смогу претворить свои планы в действие.

— Патрис, все хорошо, убери оружие, — я в успокаивающем жесте положила руку поверх его кистей, заставляя опустить саблю, что было не так-то просто. Но я не собиралась сдаваться.

Прежде, чем он сорвется и произойдет непоправимое, я быстро забежала вперед и обратилась к «рыжему»:

— Ты ведь один из «семи», не так ли? — задав вопрос, я глазами указала на «марку», виднеющуюся в открытом вороте его рубашки. Практически ничем не отличающаяся от моей, она была самым настоящим козырем, посланным мне небом.

— Да... — протянул донельзя удивленный громила, — Я действительно один из «семи». А что ты, соплячка, об этом знаешь? — заинтригованный, он жестом остановил подкрадывающегося к нам сзади головореза с кривой саблей в руке.

— Только то, что как брат, ты просто обязан оказать помощь и поддержку своей сестре, — спокойно ответила я. Момент истины настал и я, закатав левый рукав рубашки, сорвала повязку, скрывающую столько времени мой секрет. Вытянув руку вперед, в ярком свете горящих на стенах факелов, я с гордостью продемонстрировала роковой подарок Фонтаны.

Определенный риск во всем этом конечно был. Могло так статься, что рыжий пират ненавидел своих собратьев и их смерть была ему выгодной. Но у меня не было иного способа это выяснить. Я должна была попытаться сделать хотя бы что-то.

От неожиданно раздавшегося гомерического хохота шотландца задрожали стены, а на груди, чуть пониже висевшей монеты, сквозь надетую на нем парусиновую рубашку проступило пятно крови, красноречивее всяких слов объяснившее причину его состояния. Он был ранен.

— Ну что, шакалы, получили по зубам? — тяжело дыша, «рыжий» обвел насмешливым взглядом собравшихся с ним за одним столом. — Хотели свергнуть одного, а получили сразу двух. Кто из вас теперь осмелится бросить вызов королю и заплатить кровавую дань?

Волосы на затылке зашевелились при воспоминании о «кровавой дани», которую мне пришлось выплачивать в прошлый раз. Бросивший вызов «королеве Тюн» Реми Двупалый, был одним из самых опасных бандитов Парижа и его предместий и мне чудом тогда удалось одержать над ним верх. Правда пустить ему кровь, я так и не смогла. Грязную работу довел до конца один из солдат, посланных мне на подмогу верным ангелом-хранителем де Кресси, добивший поверженного врага выстрелом в голову. Теперь же, в случае вызова, придется рассчитывать только на собственные силы и неизвестно окажется ли их достаточно для спасения наших с Патрисом жизнью...

Звук отодвигаемого стула вырвал из потока воспоминаний и вернул к суровой действительности. На середину слегка танцующей походкой вышел один из капитанов и, окинув меня с головы до ног странным пугающим взглядом, от которого по спине пробежал неприятный холодок, смачно плюнул на землю рядом с моей ногой. Вызов был брошен.

— Стазис из Эпира... — протянул рыжий, и откровенная ненависть отразилась на его лице.

Главным заговорщиком оказался тот, кому он доверял больше остальных. Не будь Ангус столь тяжело ранен, голыми руками удавил бы предателя за смуту. Теперь же оставалось надеяться на то, что убив девчонку, грек удовлетворится ее «маркой», став официальным преемником «короля».

Глава 37

— Ах ты сукин сын! Я тебя... — с шумом втянув в себя воздух, Патрис, не обращая внимания на связанные руки бросился было на ненавистного грека, но по знаку Ангуса полдюжины матросов набросились на капитана «Смерча» и в мгновение ока разоружили. На этот раз охрана не поспешила на веревки и связала его по рукам и ногам так, что невозможно было и пошевелиться. Он лежал на земле с кляпом во рту и слезы отчаяния и собственного бессилия сверкали в уголках его глаз, устремленных на меня.

Ах, как хотелось бы его утешить, обещать, что все будет хорошо, но к сожалению, такой уверенности у меня не было. Девчонка против матерого пирата... расклад явно был не в пользу первой.

Стазис же, заранее празднуя собственную победу подошел к шотландцу и вызывающе поставив ногу в сапоге на подлокотник его кресла, в опасной близости от нервно выбивающих дробь пальцев, нарочито громко заявил:

— Я рассчитывал на один подарок, но кажется великий Посейдон решил осчастливить своего соотечественника сразу двумя. Я везунчик! — он громко расхохотался, ища одобрения на лицах своих союзников, тайно принесших ему клятву верности. Их было немало. Пять капитанов, прежде считающиеся особенно преданными старому королю, теперь открыто выражали поддержку смутьяну и предателю.

Решимость на их лицах поразила успевшего всякого повидать на своем веку Ангуса. С точно такой же готовностью когда-то они присягали на верность ему самому.

— *Vous ne devriez pas vendre la peau d'un ours avant qu'il ne soit tué*, — со своего места поднялся сидевший слева от шотландца человек, которого, глядя на его изысканный наряд из расшитого серебром синего бархата, вполне можно было бы принять за придворного его величества короля Людовика Четырнадцатого, — Как сказал в одном из своих гениальных творений мой старинный друг месье де Лафонтен: «Не следует продавать шкуру медведя, пока он ещё не убит».

Вынув шпагу, висевшую на роскошной перевязи с бахромой, он сделал несколько шагов в мою сторону и остановился напротив, не скрывая восхищения во взгляде. Салютовав клинком, он изящно поклонился, как будто собирался пригласить на менюэт:

— Капитан Анри де Лефевр к вашим услугам, мадемуазель. Я только сегодня приплыл из Франции, где вот уже несколько недель не стихают разговоры о некоей Розе — новой королеве преступного мира, которая несмотря на юный возраст и ослепительную красоту, успела зарекомендовать себя как отличный боец, заплатив «кровавую дань» на собственной коронации, в присутствии главарей всех двенадцати «дворов чудес» Парижа. Поговаривают, что наш Луи лично заинтересован в поимке преемницы Жилия Фонтаны, назначив прямо-таки баснословную награду за ее голову. Я ничего не пропустил, мадемуазель? — он снова галантно поклонился, подметая перьями воображаемой шляпы земляной пол.

— Все верно, благодарю вас, месье.

Улыбнувшись уголком рта, я чуть склонила голову в ответном поклоне. Поддержка этого человека мне сейчас была просто необходима и, раз уж он только что показал, на чьей он стороне, я решила обратиться к нему с просьбой:

— Шевалье, не одолжите ли вы мне свою шпагу? Обещаю, что как только все закончится, верну ее вам целой и невредимой.

Это был мой своеобразный ответ Стазису из Эпира, которого слова Лефевра заставили посмотреть на меня с еще большим интересом. Плотно улыбаясь, он гадко облизывал губы, предвкушая интересное зрелище.

На полторы головы выше меня, он был одет в белую полотняную рубаху со свободными рукавами, туго перехваченную на груди широким поясом и черные штаны — кюлоты, завязанные чуть пониже колен, обтянутых полосатыми чулками. Поверх рубахи на нем был бордовый, расшитый шелковой каймой жилет, точно такого же цвета что и пояс. Но весь этот костюм портило уродливое ожерелье на его шее, сделанное, как я подозревала, из человеческих зубов. Меня затошнило.

А ничего не подозревающий о моих внутренних терзаниях Анри де Лефевр, рассмеявшись, протянул мне оружие эфесом вперед, прибавив к нему абордажный кортик с длинным прямым, обоюдоострым лезвием, который я благодарно приняла и заткнула за пояс с левой стороны.

Мне понадобилось несколько минут, чтобы затянуть потуже на шее шнурок «марки» и собрать распущенные волосы в тугий пучок, который для надежности вновь спрятала под шерстяную шапочку. Старательно скрывая эмоции, я несколько раз рассекла оружием воздух, проверяя тяжесть клинка и удобство рукояти, которые, к счастью, оказались не слишком отличающимися от привычной руке шпаги Клода. Удовлетворившись результатом, я кивнула, и приняла позу встав лицом к противнику:

— Я принимаю ваш вызов!

Грека мой выбор оружия только позабавил. Презрительно покосившись на шпагу, кажущуюся ему детской игрушкой, он отдал предпочтение сабле, которой владел в совершенстве. Полуогнув в коленях ноги, он расставил их немного шире обычного, словно находился не на твердой земле, а на корабле, где важно было следить за равновесием. Втянув и без того короткую шею в плечи, он зажал в правой руке выбранное оружие и не спуская с меня глаз, велел вызвавшемуся быть секундантом Лефевру начитать отчет.

— Один, два... Êtes-vous prêt? Вы готовы? — задал он вопрос, более уместный в фехтовальном классе, нежели во время настоящего поединка и, когда мы оба кивнули в ответ, командовал: «En garde! К бою!»

Несмотря на свой довольно высокий рост и мощное телосложение, Стазис оказался очень проворным противником. Все мои попытки нащупать его слабое место и нанести удар так, как меня учили, не срабатывали, он неизменно уклонялся, успевая поставить меня в невыгодное положение, из которого удавалось спастись только благодаря отменной реакции, выработанной в течение долгих изнурительных тренировок и жгучему желанию выжить несмотря ни на что.

Все, что мне оставалось лишь постараться вымотать своего противника, которому несмотря на силу и навыки не хватало юркости и легкости, свойственных моему возрасту.

Удар саблей требовал большого размаха от плеча, на который уходило драгоценное время и силы и вот, в какой – то момент я почувствовала, что мой противник начал уставать. На каждый новый замах у него стало уходить больше времени, во время которого, он становился открытым для более стремительного колющего удара шпагой. Из-за тяжести оружия он не успевал парировать ускорившиеся атаки, чем я и не преминула воспользоваться, дважды ранив его в плечо и порезав запястье.

Но и мне, несмотря на некоторое преимущество, приходилось совсем несладко. Кисть начала сильно уставать, поэтому я вынуждена была несколько раз менять руку, на лету перекидывая шпагу из правой в левую, и обратно.

Стазис больше не улыбался. Несмотря на подбадривающие крики своих сторонников, ни одна его попытка не оказалась результативной, он ни разу не смог задеть даже нитки на моей одежде.

Он предпринял новую атаку, но я, поднырнув под его руку, вновь ушла из-под удара. Взревев от бешенства и изрыгая проклятия на своем языке, потерявший терпение грек обхва-

тил рукоять сабли обеими руками и начал наотмашь наносить беспорядочные удары, стараясь уже не просто меня зарезать, а скорее изрубить в мелкие куски.

Я сильно устала. Во рту пересохло так, что начинало казаться, что оно забито раскаленным песком. Еще немного и от наследницы боравийского престола останется одно лишь воспоминание...

«Нет! Не дождетесь!»

Одной мысли о милой сердцу Боравии оказалось достаточно для того, чтобы вновь сосредоточиться на схватке.

Чудом увернувшись от смертельного удара, призванного расколоть мне череп я решила на маневр, неожиданно пришедший мне в голову. В очередной раз высоко подкинув в воздух шпагу якобы для того, чтобы сменить уставшую руку, я, убедившись, что все внимание Стазиса сосредоточилось на ней, вопреки ожиданиям ловить ее не стала, а рывком выдернув из-за пояса кортик резко ушла вниз, где, развернувшись на согнутых ногах вокруг собственной оси, с силой полоснула противника по задней стороне колена разрезая сухожилия. Грек рухнул на одно колено. Не давая опомниться, я, все еще находясь внизу, почти по самую рукоять воткнула кортик ему в другое бедро, после чего поспешила вскочить на ноги.

Однако даже в таком состоянии, истекающий кровью и не имеющий возможности стоять, пират сдаваться не собирался, не оставляя попыток дотянуться до меня одной рукой, в то время как другой оперся на саблю, острие которой воткнул в землю. Ударом ноги я выбила у него из рук и эту опору и отшвырнула ее в сторону Лефевра, поспежившего подхватить оружие и передать своим матросам, находившимся тут же.

Шатаясь от усталости, чувствуя, как теряю силы, я подошла к ослабевшему противнику сзади и, схватив за смоляные волосы откинула его голову назад. Единственным оружием поблизости был кортик в бедре пирата и я, выдернув его из раны, из которой фонтаном брызнула по сторонам кровь и, изо всех сил борясь с тошнотой, поднесла клинок к самому его горлу.

Я не была жестокой по своей натуре, мне претило любое убийство, каким бы необходимым оно ни было. Все, что я хотела — жить! Но, перебегая сейчас взглядом с одного застывшего напротив лица на другое, я четко осознавала, что без кровавой жертвы не обойтись. Я совершила грубейшую ошибку, когда поддалась жалости и уговорила капитана «Смерча» не наказывать дружков Ладу, и сегодня это едва не стоило жизни не только мне, но и самому Патрису. К счастью, я всегда была способна извлекать уроки из предыдущего опыта.

Встретившись взглядом с «рыжим», напряженно следящим за каждым моим действием и ожидающим проявления слабости, я, молниеносным движением провела лезвием по горлу грека, даже в таком состоянии сыплющего угрозы в мой адрес и обещающего невыносимые страдания после того, как я попадусь ему в руки. Отвратительно булькающий звук прервал его на полуслове и, захлебываясь кровью, он рухнул к моим ногам.

А я, больше не в состоянии бороться с тошнотой метнулась в сторону груди бочонков, сваленных в одном из углов помещения, где меня буквально вывернуло наизнанку. Спазмы, выкручивающие нутро, были настолько сильными, что в какой-то момент стало казаться что смерть пришла и за мной.

«Нет, пожалуйста, только не теперь!» — опираясь о бочонки и едва держась на ставших вдруг ватными ногах я вскинула повыше голову в попытке поглубже вдохнуть. Один раз, другой... Воздух с силой ворвавшийся в легкие вызвал приступ кашля, нестерпимо хотелось пить. Сорвав с головы шапочку, как тисками сдавливающую виски, я шатающейся походкой вышла из-за своего укрытия, и застыла на месте. Там, где уже начал остывать труп грека, в все более растекающейся луже крови лежали еще пять человек — пять присягнувших ему на верность капитанов, до конца оставшихся верными своей клятве и, не издав ни звука, сложивших головы вместе со своим лидером.

Очень жестокая по своей сути расправа была призвана показать совету, что именно ждет каждого, кто осмелится пойти против короля.

Усилив воли заставив себя отвернуться от жуткого зрелища, я как ни в чем не бывало продолжила свой путь. Не обращая внимания на гробовую тишину, воцарившуюся при моем появлении, подошла к центральному столу и остановилась прямо перед сидящим напротив «рыжим». В том состоянии, в котором я находилась, мне было уже все равно, как отреагируют на мои следующие действия. Мне нужно было срочно что-нибудь выпить. Схватив обеими руками кувшин с вином, стоявший прямо перед ним, я с жадностью поднесла его к пересохшим губам.

Понадобилось залпом осушить треть кувшина прежде, чем почувствовала, как жажда стала отступать, а тело охватила странная легкость. Щеки порозовели от поднявшейся внутри волны тепла; откуда ни возьмись появились силы. Со стуком поставив кувшин на место, я с вызовом посмотрела на короля пиратов, внимательно следящего за каждым моим движением. Ожидая чего угодно, я определенно не была готова услышать следующие его слова:

— Стул для моей сестры! Добро пожаловать в семью... — он нахмурил лоб, пытаясь что-то вспомнить. — Как, говоришь, тебя зовут...?

Всего на мгновение я сжала в руке висевшую на шее «марку», после чего решительно подняла голову:

— Зовите меня Розой...

Глава 38

Та ночь стала самой настоящей точкой невозврата, необратимо изменившей всю мою дальнейшую жизнь, в которой больше не было места для прежней Шанталь — маленькой девочки, мечтающей покорить весь мир милой улыбкой и добрым отношением. Отныне не было в моей жизни места радости и веселью, сердце не выдержало посланных на его долю испытаний и окаменело, кажется навсегда потеряв способность испытывать жалость и сострадание.

Прежде чем принять приглашение шотландца и сесть с ним как равная за один стол, мне предстояло сделать еще кое-что... а именно разобраться с предателями, по вине которых я оказалась здесь обреченная на смерть.

Я поискала глазами Патриса, которого уже успели освободить от пут. Он стоял немного в стороне и о чем-то шептался с капитаном Лефевром. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться о том, что было главной темой их разговора: выражающий глубокое потрясение взгляд то и дело останавливался на моем лице. Возлюбленный узнал неприглядную правду о женщине, с которой столько времени делил постель, и которая будучи высокородной дамой оказалась ко всему прочему бандитской королевой. Есть от чего потерять голову, не так ли?

— Капитан Патрис! — окликнула я его, сама, не ожидая, как громко прозвучит мой напряженный от волнения голос. — Как, по-вашему, какого наказания заслуживают изменники, строившие козни за спиной своего командира?

— Смерти, — его исчерпывающий ответ, вызвал одобрение у присутствующих.

— Прекрасно. Это то, что я и ожидала услышать. В таком случае, почему они сих пор живы?

По приказу капитана, трех матросов со «Смерча» столкнули в глубокую, выложенную камнем яму во дворе, предназначенную для содержания заложников. После недавно прошедших интенсивных дождей, она на полтора локтя была наполнена грязной водой, и упавшие в воду матросы тут же вымокли до нитки. С помощью лебедки, сверху яму плотно прикрыли тяжелой металлической решеткой, запираемой массивным замком. Но это было еще не все. Сквозь отверстия решетки, вниз им сбросили три одинаковых ножа, после чего капитан, отдав последние распоряжения охранникам, которым было поручено не спускать с пленников глаз, крикнул на прощание:

— Утром, только один из вас, получит возможность выбраться из ямы. Кто это будет, решать вам. Ну а мы поглядим, останетесь ли вы до конца преданны дружбе, как пытались нас всех убедить.

Только теперь до узников наконец дошло, на что их обрекли...

О люди, как же быстро вы забываете о любви и привязанности, когда вас, делающих громкие заявления, ставят перед выбором. Все просто перестает существовать, когда встает вопрос кому из вас жить, а кому нет... Не успели мы отойти от ямы, как все трое с остервенением бросились друг на друга. От былой дружбы не осталось ни следа, теперь это были дикие животные безжалостно рвущие и кромсавшие себе подобных ради возможности выбраться наружу.

Я шла вперед ни разу не сбившись с шага, сейчас больше чем когда-либо осознавая, что уже никогда не стану прежней. Кара была справедливой, и хотят они того или нет, но они ее понесут.

* * *

Патрис вернулся в помещение, из которого к тому времени вынесли трупы и присыпали песком кровь. Не произнеся ни слова, он занял свое место за столом и, сбив с помощью сабли горлышко у стоявшей перед ним бутылки, в несколько глотков выпил все ее содержимое. Он

упорно избегал моего взгляда, предпочитая в гордом одиночестве топить свои печали в алкоголе. И я решила ему не мешать.

Сидя во главе стола в окружении жестоких убийц и преступников, раз за разом поднимающих свои кубки в мою честь, я еще никогда так остро не осознавала, что отныне принадлежу той же темной стороне, что и все они. Что бы я ни делала, как бы не стремилась стать лучше, меня повсюду преследовала смерть, широкой черной полосой перечеркивая редкие светлые моменты моей жизни.

— Молодец, девочка. Ничего не скажешь, удивила, ты сегодня старика Ангуса, — склонившись к моему уху, еле слышно произнес рыжий, вновь скривившись от боли. Это напомнило мне о его ране и том состоянии, в котором он находился.

— Я тебя еще больше удивлю, старый черт, когда ты узнаешь, что в довершении ко всем своим талантам, я еще и неплохо врачую раны. Так что если ты пока не готов расстаться с короной и отправиться к праотцам, будет лучше, если позволишь мне осмотреть себя до того, как станет совсем поздно и тебе уже никто не сможет помочь.

Он ничего не ответил, только крепче сжал зубы. Я видела, как заходили желваки на его лице от внутренней борьбы с собственным упрямством и подозрительностью, но в итоге победило желание жить.

— Хорошо. Завтра поутру получишь возможность продемонстрировать свои таланты, — глядя перед собой, он сделал очередной глоток из наполненного до краев кубка.

— Не завтра, а немедленно, — твердо ответила я. — Судя по тому, что я вижу, до утра ты можешь не дожидаться вовсе. Ты хоть понимаешь, как это опасно?

Он повернулся ко мне, внимательно всматриваясь в мое лицо, которое выражало решимость во что бы то ни стало настоять на своем. В конце концов он сдался.

— Ладно, черт с тобой, упрямая ослица. Только не здесь... Здесь нельзя, понимаешь?

Да, я понимала. Король не должен был проявлять слабость ни при каких обстоятельствах, иначе завтра еще кто-нибудь вроде Стазиса осмелится бросить ему вызов.

— Понимаю.

В то время, как пирующие продолжили усердно накачиваться трофейным спиртным, по знаку шотландца четверо его людей с обеих сторон подхватили его «трон» и понесли в помещение, которое он использовал как свои покои. Объединив усилия, мы перенесли его на большую дубовую кровать, не обращая внимания на сыпавшуюся в наш адрес брань, испытывающего страдания мужчины. Он весь горел и дрожал как в лихорадке, что само по себе было не очень хорошим знаком, так как это могло означать, что в рану попала инфекция.

Велев вскипятить воды в котелке и найти чистую ткань для перевязки, я распорядилась засветить еще несколько свечей. В первую очередь нужно было снять старое полотно и осмотреть рану. Полив изрядным количеством алкоголя, дефицитом которого к счастью пираты не страдали, на свои руки, чтобы не занести дополнительной заразы во время осмотра, я разрежала рубашку на груди и осторожно приподняла пропитавшуюся кровью материю, обомлев при виде того, что оказалось под ней. Рана с рваными краями выглядела просто ужасно, ткани вокруг нее сильно покраснели и припухли, что только подтвердило мои подозрения относительно того, что раненому вовремя не был оказан должный уход.

Глубоко вздохнув и сделав для храбрости большой глоток из бутылки я, сунув в рот шотландца кусок скрученной материи, велела парням держать его покрепче и, засучив рукава, принялась за работу...

Однажды, кажется уже совсем в другой жизни, я почти точно так же лечила одного преступника и это принесло мне одни неприятности. Страшно представить, чем может закончиться для меня попытка вылечить этого человека?

Прошло не меньше часа прежде чем я смогла выпрямиться и размятая затекшую спину, с удовлетворением посмотреть на свою работу. Очищенная от грязи, гноя и сукровицы зашто-

панная рана все еще выглядела довольно жутковато, но по крайней мере уже не была столь опасной для жизни. К тому времени вернулся один из матросов, в спешном порядке отправленный на борт «Смерча» с запиской для Саида, у которого, как я знала, хранились запасы лекарственных трав на все случаи жизни. Приготовив отвар и строго настрого велел насильно вливать его в глотку «рыжего» каждый час до самого рассвета, я нанесла на шов тонкий слой заживляющей мази, изготавливать которую научилась еще в детстве у монахинь и перебинтовала рану, для чего мне вновь понадобилась помощь королевских телохранителей, для удобства бережно приподнявших своего господина.

Дело было сделано. Теперь оставалось дожидаться утра и убедиться, что все худшее осталось позади. Не желая возвращаться в общий зал, где все мне напоминало о недавних жутких событиях, я решила провести ночь тут же, в комнате, свернувшись клубочком в углу возле выложенного из песчаника камина, где меня и застал рассвет.

Проснувшись я от стойкого ощущения, что за мной наблюдают. Распахнув глаза, встретила с внимательным взглядом ярко-голубых глаз, изучающе уставившихся на меня.

К утру огонь в камине почти погас. Поеживаясь от бодрящей прохлады, я заставила себя встать, с трудом распрямляя затекшие за ночь члены. Подойдя к кровати на которой полулежал раненый, не спускающий с меня глаз, я хозяйским жестом пощупала его лоб, с удовлетворением отметив, что температура спала. Но когда я потянулась к повязке, его рука, неожиданно накрыла мою:

— Я обязан тебе жизнью... Чего ты хочешь взамен?

Сглотнув, я огляделась по сторонам, только сейчас обратив внимание на то, что в комнате кроме нас никого не было.

— Где твои люди? Этим бездельникам было велено не отходить от тебя ни на шаг...

— Я отпустил их. Хотел поговорить с тобой без свидетелей.

«Ну вот, началось... Сейчас он по примеру Фонтаны назовет меня ангелом, а в следующую секунду решит заявить на меня свои права», — я с тоской посмотрела на острый нож, лежащий на столе. Может быть покончить с ним сразу, а не ждать, когда он придет в себя и обретет былую силу?

Но что-то в глазах шотландца меня остановило, а когда он вновь заговорил, все встало на свои места.

— Ты похожа на Мейгрид, мою маленькую сестренку... Она тоже играла с сестрами предпочитала упражняться с мечом. Она была... — судорожно вздохнув, Ангус повернул голову к окну стараясь скрыть заблестевшие от подступившей влаги глаза.

Так странно... Этот человек-гора, который не проронил ни слезинки, пока я очищала его рану и накладывала швы, теперь готов был заплакать при упоминании о сестре.

— Ты сказал «была»? Она умерла?

— Не знаю, — кулаком вытерев глаза, мужчина повернулся ко мне, — Я не видел свою семью уже двадцать семь лет... Может и умерла.

— Так долго? — удивилась я, присаживаясь на краешек постели. — Но почему?

— Знаешь, для той, кто сама уваливает от ответа, ты задаешь слишком много вопросов, — он вновь накрыл мою руку своей удивительно теплой ладонью. — Ты могла бы воспользоваться своим особым правом и захватить власть на острове, а вместо этого предпочла побороться за жизнь незнакомого бандита, который при первой же возможности постарается избавиться от ненужной соперницы. Поэтому, я спрошу еще раз: чего ты хочешь получить взамен?

— Не поверишь, но ничего из того, что бы ты мог мне дать, — грустно улыбнулась я в ответ. — Ни деньги, ни власть никогда не интересовали меня, хотя все это я могла бы иметь по праву рождения. Все, ради чего я живу — месть чудовищу, жестоко расправившемуся с моими родителями и вот уже много лет преследующему меня саму. И пока он жив, не видать мне покоя до конца своих дней.

Я ожидала, что он посмеется надо мной, а вместо этого мужчина похлопал по постели рядом с собой и сказал:

— Ну- ка, садись поближе, и начни с самого начала...

Я не собиралась вдаваться ни в какие подробности, а вместо этого не сдержалась и сказала незнакомому человеку все без утайки, чувствуя, как увесистый камень вот уже столько времени лежащий на моей душе, потихоньку скатывается вниз, освобождая ее от невероятной тяжести.

— Теперь, ты знаешь все, — немного подумав, я развязала узел и сняв с шеи злосчастную «марку», протянула ему. — Вот, возьми ее себе, если хочешь. Она мне досталась случайно, и говоря по совести, я не имею на нее никакого права.

— Ты ошибаешься, девочка, — нарушил молчание Ангус, ни разу не перебив меня во время повествования. — Если чему-то и научила меня моя долгая непутевая жизнь, то только тому, что нет в ней места для случайностей. И, если с кем-то из нас что-либо происходит, то только потому, что именно так по замыслу Господа нашего все и должно быть.

— Должно быть? Бред! Я не желаю править разбойниками и бандитами, я лишь хочу вернуть себе Боравию и занять принадлежащее мне по праву рождения место.

— Допустим, — поморщился Ангус, с видом мученика отхлебнув травяного настоя, поднесенного к его рту, — Боравия — все, что тебе нужно. Но, как ты собираешься возвращать ее себе? Как я понял из твоего рассказа, у этого... как его... твоего генерала есть собственная многочисленная, а главное хорошо обученная армия; есть несколько кораблей, а столица надежно укреплена высокими крепостными стенами и защищена со всех сторон пушками. Каким же образом ты, желторотая трясогузка, собираешься с ним сражаться? При помощи кучки забитых роялистов с булавками вместо настоящего оружия? Не смеди мои седины! Чтобы получить свою ненаглядную Боравию тебе придется собрать собственную армию, во много превосходящую армию противника. Он владеет кораблями? Ха! Ты создашь целый флот, такой, какой шутя сможет захватить весь мир, а не то, что какую-то крошечную точку на карте. Враги будут трепетать при одном только упоминании твоего имени, которое будут произносить не иначе как шепотом и с постоянной оглядкой. То, что ты оказалась на острове и предотвратила покушение на мою жизнь вовсе не случайность. Так было предрешено. Я давно ищу достойного преемника и, кажется я его наконец нашел в твоём лице. Ну же, соглашайся, — он плюнул в ладонь и протянул ее мне, предлагая скрепить соглашение.

Я задумалась. Шотландец был прав, без собственных армии и флота надеяться на победу не представляется возможным. Выходит, выбора, как ни крути, у меня все равно нет.

— Договорились! — в точности повторив нехитрый ритуал, я крепко пожала протянутую ладонь. — А теперь лежи тихо и дай мне посмотреть, что у нас там получилось, — взяв со стола бутылку с остатками шотландского виски, которое сын гор предпочитал всему остальному, я тщательно продезинфицировала руки и потянулась к повязкам...

Работа уже практически была закончена, когда дверь слегка приоткрылась и стоящий на пороге охранник передал мне просьбу капитана Патриса спуститься вниз. Строго-настрога запретив Ангусу вставать с постели и клятвенно пообещав навестить его чуть позже, я в спешке покинула комнату, заметив каким по-отечески добрым взглядом проводил меня король. Но стоило мне только исчезнуть из поля видимости, как блаженная улыбка тут же слетела с его лица. Позвав своих самых преданных людей, он распорядился, чтобы они глаз не спускали с его протезе и, в точности выполняли все ее распоряжения... разумеется, предварительно согласовав с ним.

Ну а я, как только спустилась по лестнице, тут же оказалась окруженная четырьмя матросами со «Смерча», препроводившими меня туда, где дождался Патрис в компании нескольких капитанов, среди которых особо ярко выделялся ярко-синий камзол Лефевра. При виде меня мужчины расступились, а Патрис, за руку подвел к краю ямы, с которой на моих глазах

приподняли решетку. Одного взгляда, брошенного вниз было достаточно чтобы понять, что все трое были мертвы. Трудно было сказать, кто оказался победителем в той резне, что эти бывшие «друзья» устроили друг другу в попытке выжить. Все трое умерли от сильной потери крови, захлебнувшись в воде, окрасившейся в жуткий красно-бурый цвет.

Правосудие по-пиратски свершилось. В течение получаса их тела были извлечены из ямы, но, вовсе не для обряда погребения, его, по мнению большинства, они не заслужили. Их тела, вместе с трупами Стазиса и его соратников были сброшены со скалы в море, превратившись в корм для рыб.

Мой первый день на Тахмиле обещал стать незабываемым...

Глава 39

В криках проносившихся мимо чаек было что-то тревожное, пугающее. Даже море, которое вот уже дней десять как радовало своим мягким покладистым характером, этим утром решило проявить свой норов. Его чудесная, радующая глаз голубизна куда-то исчезла. Словно договорившись со своим вечным союзником небом, морская гладь приобрела точно такой же как и оно свинцовый оттенок, навевающий тоску и заставляющий все чаще обращать взор вверх, выискивая первые признаки надвигающейся непогоды.

Хорошо помня, как едва не отдала Богу душу во время последнего шторма, я не могла не радоваться тому, что нахожусь на суше, в относительной безопасности. И все-таки душа желала чего-то совсем иного... Безумного, неудержимого...

В очередной раз убедившись, что все благородные намерения никогда не бывают должным образом оценены, я несколько сникла после того, как на довольно приличный срок превратилась в добровольную сиделку при омерзительно подозрительном и абсолютно несдержанном на язык рыжем кальмаре, медленно, но верно сводящим меня с ума своими вечными придирками и нравоучениями. Чтобы я ни делала, все ему было не так. По мере того, как ему становилось все лучше, мне напротив делалось все паршивей и паршивей, и в глубине души я действительно начала жалеть о том, что своим несвоевременным вмешательством не дала ему умереть, тем самым обрекши себя на его издевки и насмешки.

Но сегодня я наконец набралась сил и в ответ на очередную колкость послала его к черту. Да-да, я так ему это и сказала, посоветовав не мешкая выброситься из окна и больше не копить небо, гневя Господа нашего своим бессмысленным существованием. А затем, как бы подведя черту под сказанным, хлопнула дверью, да так сильно, что закрипели балки и посыпалась штукатурка. Мне просто необходимо было выпустить пар, разбить что-нибудь... Но, так как убежище рыцарей наживы было крайне скудно уставлено бьющимися предметами в отличие от того же Версаля, где повсюду были хрусталь и венецианское стекло, я решила ограничиться вылазкой из крепости и прогулкой по острову лелея тайную надежду встретиться с Патрисом, которого не видела с утра того самого дня, когда были наказаны предатели-матросы. Капитан явно избегал встреч, предпочитая проводить все свое время вне цитадели, наблюдая за тем, как ведутся ремонтные работы на его судне и казалось, совсем позабыл о моем существовании.

Его поведение озадачивало меня. Сотни самых разнообразных предположений одно мрачнее другого подстегивали меня, заставляя поступиться гордостью и отправиться на его поиски за разъяснениями. Но когда я добралась до его шхуны, оказалось, что там его тоже нет. Я конечно же в это не поверила. На глазах удивленной команды и в сопровождении следующего по пятам Ренарда, крайне обрадованного тем, что видит меня живой и невредимой после того, как на его глазах меня силой увезли на остров, я прочесала все судно от трюма до верхней палубы. Бесполезно. Патриса не было и судя по всему, он отсутствовал уже несколько дней.

«Где же он был все это время?» — ревность железным кулаком схватила за горло, путая мысли. В крепости нередко упоминались увеселительные заведения, в которых с огромным удовольствием и за приемлемую плату проводили свое время мающиеся бездельем моряки. Неужели и Патрис такой же как они? Наивная в своей простоте, я и предположить не могла, что моему обществу возлюбленный сможет предпочесть компанию девиц легкого поведения.

Не в моих привычках было строить предположения, поэтому решила убедиться во всем лично. И наплевать, если правда перевернет весь мой мир с ног на голову, я должна была знать, и точка!

Отказавшись от предложенной помощи, в сопровождении державшихся чуть поодаль двух телохранителей, приставленных ко мне Ангусом, вернулась на берег и отправилась на поиски вышеуказанных мест. Все еще переодетая мальчишкой, так как другой одежды у меня

попросту не было и вооруженная шпагой Клода и кортиком, с которым я с недавних пор не расставалась, занявшими свои законные места в ножнах на левом бедре и за поясом, я направилась напрямик к широкому двухэтажному строению, в противовес большинству временных построек, выстроенному не из дерева, а из кирпича. С черепичной крышей и большой трубой, из которой сейчас вился в небо дымок и откуда доносились хохот и песни подвыпивших посетителей, оно выглядело довольно основательным, наталкивая на мысль, что хозяева неплохо наживаются на продаже спиртного и запретной любви, которой так не хватало одичавшим от жизни морякам.

— Туда нельзя, — один из телохранителей забежал вперед и преградил мне путь в паре шагов от слегка приоткрытой двери. — Ангусу это не понравится.

Как будто мне было до этого дело! Положив руку на эфес шпаги, я угрожающе зашипела:

— С дороги! Немедленно!

— Не могу. Таков приказ короля, — было мне ответом.

Проклятье! А кто, по их мнению, тогда я?!

Руки так и чесались преподать наглецу урок, но умом я понимала, что вины матроса в этом нет. Он всего лишь честно выполнял возложенную на него задачу и, мне оставалось лишь благодарить парня за то, что старается уберечь сумасбродную девчонку от возможных неприятностей, о которых ему наверняка было известно больше чем ей.

«Ничего, наверняка есть и другой способ получить нужные сведения, и я его обязательно найду» — с такими мыслями я опустила руку и повернулась чтобы убраться восвояси, когда неожиданный грохот наверху заставил наострить уши.

Кричала женщина. Распахнув окно на втором этаже, она на непонятном языке успела выкрикнуть несколько слов за мгновение до того, как раздался шум борьбы и кто-то, грубо зажав ей рот, втащил внутрь. Окно с треском захлопнулось над нашими головами, и вновь воцарилась тишина.

Я вскинула голову и посмотрела на своих спутников ожидая, что они, как и положено в подобной ситуации тотчас же бросятся на помощь даме, но их реакция меня поразила. На лицах охранников было явно написано безразличие к судьбе несчастной. Все что их беспокоило — это мои попытки войти в помещение, и все.

Животные! Неужели им совсем не жаль бедняжки, которая в этот самый момент терпела издевательства от таких же зверей, как они? Как можно было спокойно стоять и не сделать ни малейшей попытки облегчить ее страдания?

Видя, что сочувствия мне от них не добиться, я решила действовать по-другому. Выдернуть шпагу и приставить ее к груди одного из телохранителей было делом одной секунды. Ни тени улыбки не было на моем лице, когда я повернулась к его товарищу:

— Вы оба, кажется, забыли, как я поступаю с теми, кто смеет мне перечить. Напомнить, кто сейчас стоит перед вами?

Оба переглянулись. Будучи свидетелями памятного поединка с греком, они не на мгновение не усомнились в том, что я пушу в ход оружие. Вот только пока никак не могли решить кого из двух королей им сейчас стоило бояться больше: вспыльчивого медведя - шотландца или хладнокровную ведьму, способную, не моргнув глазом прирезать противника вдвое, а то и втрое сильнее ее? Вывод был очевиден, и уже в следующий миг оба сдаваясь развели руками и отошли от двери, позволяя упрямой дурёхе войти в логово паука.

В нос сразу же ударила отвратительная смесь перегара, немых тел и чего-то еще тошнотворно-сладкого, вызывающего немедленное желание убраться подальше от этого странного места, снаружи выглядящего вполне презентабельно, а внутри оказавшегося самым настоящим адским вертепом. Имея общий зал, в котором за небольшими столиками всю пировала пьяная публика, строение было разделено на два десятка сводчатых комнат, объединённых общей галереей, к которой вела узкая винтовая лестница.

Легкие протестующе сжались, отказываясь вдыхать заполненный густым темным маревом воздух, к которому примешивался стойкий запах гари. Больно свело желудок. Я все еще топталась на пороге, когда вновь услышала тот же голос, только приглушенный, как будто его обладательницу душили, а затем прямо над головой раздался звук падающего предмета. Очень тяжелого предмета... или тела.

Не раздумывая больше ни минуты, я бросилась по лестнице вверх, почти на ощупь пробираясь вперед мимо провожающих меня ослепевшими взглядами посетителей, заполнивших галерею расталкивая их локтями направо и налево. Один, особенно настойчивый видимо решивший убедиться в моей материальности протянул было ко мне трясущуюся руку и тут же был грубо отброшен к стене моими сопровождающими, решившими до конца выполнить свой долг и не оставлять меня одну в этом жутком месте. Кивком поблагодарив за помощь я продолжила путь, одну за другой пинком распахивая комнаты верхнего этажа в поисках той, кто нуждался в моей помощи.

Полуголые мужчины и женщины подобно тараканам разбегались по сторонам, когда мы своим бесцеремонным вторжением отвлекали их от того чем они занимались на грязных, потерявших свой первоначальный цвет простынях. Отвратительное зрелище, не вызывающее ничего кроме рвотных спазмов. Очередная дверь поддалась под ударом моего ботинка, и я очутилась в самом эпицентре мерзкого запаха, насквозь пропитавшего дом сверху до низу. В комнате было ужасно дымно, а вонь стояла такая, что хоть топор вешай. Глаза сильно защипало и мне пришлось протирать их кулаками, чтобы суметь хоть немного рассмотреть происходящее, о чем тут же пожалела. На заблеванном полу вперемешку с собственными нечистотами лежали существа, напрочь утратившие человеческий облик. Исхудавшие, изнуренные, с бледными больше напоминающими маски смерти лицами, они находились под воздействием каких-то веществ, которые курили с помощью длинных трубок, отдаленно напоминающих флейты, но только в отличие от музыкальных инструментов, эти источники смердящего дыма приводили людей в экстаз совсем иным способом, вызывая у них странную реакцию: они, то громко хохотали над чем-то невероятно их веселившим, то трагически закатывали глаза, как от невыносимой муки. Кто –то лежа на полу ковырял ногтем потолок, а его сосед раскачивался из стороны в сторону как сумасшедший шевеля губами, напоминая рыбу, вытасненную на берег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.